
БРАЧНО-СЕМЕЙНОЕ ПРАВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ (Часть 2. Начало в № 4 2002 г.)

3. Бракоразводный процесс. В семейно-брачном праве средневековой Сербии был известен и институт развода. До принятия христианства в языческом браке инициатива развода принадлежала только мужу — главе патриархальной семьи. Бесправное положение жены не позволяло ей реализовать в жизнь подобную инициативу.

После принятия христианства правовая регламентация развода изменилась. Было предусмотрено, что развод может требовать как муж, так и жена. Однако нельзя забывать, что фактическое положение было совсем иным. Жена ввиду своего подчиненного положения очень редко могла пользоваться предоставленными ей правовыми нормами с целью расторжения брака.

Содержание “Эклоги” предусматривает несколько оснований для брачного развода. Ряд из них относится как к мужу, так и к жене. Например, если муж или жена совершат попытку убить одного другого (посягнут на жизнь), то супруг (или супруга), ставший объектом посягательства, может требовать на законном основании расторжения брака. Это правило действовало и тогда, когда один из супругов заболел венерическим заболеванием.

Наряду с этими основаниями, которые относились к обоим супругам, были и другие, имевшие значение только для мужа или жены. Так, прелюбодеяние жены являлось поводом для развода, а прелюбодеяние мужа — нет. В то же время “Эклога” предусматривает, что импотенция мужа в течение трех лет с начала заключения брака служит поводом для развода (“Эклога”, титул II, ст. 13; славянская редакция “Эклоги”, титул II, ст. 9).

Наряду с поводами к разводу, установленными “Эклогой” в “Номоканоне” (“Кормчей книге”), предусмотрены и другие основания развода: трехлетнее отсутствие мужа или жены, душевная болезнь, венерическое заболевание супруга, пьянство мужа и истязание им своей жены [7, 35, 37].

Установленные “Номоканоном” условия развода и сегодня, в начале XXI в., являются основой действующего бракоразводного права как в сербском, так и в югославском государствах [8, 294–296].

4. Институт наследования. В древности славяне не знали института наследования. Они жили родами, где действовало правило коллективной собственности на землю. Следовательно, со смертью одного члена рода не ставился вопрос о наследовании, так как имущество продолжало оставаться коллективной собственностью всего рода. Даже смерть старейшины рода не вызывала проблем наследственного характера. Место умершего занимал вновь избранный старейшина, который исполнял функции, присущие его предшественнику.

Однако постепенное обособление частной собственности в результате захвата имущества рода старейшиной-домовладельцем поставило вопрос о праве наследования этой собственности. Данными об институте наследования в древнесербском праве автор не располагает, поэтому можно использовать факты о наследовании, взятые у других славянских народов, близких в своем развитии сербам.

Исходя из источников древнерусского права, можно сделать вывод, что в древности имущество умершего переходило к его сыновьям. Дочери не наследовали имущество. При замужестве братья наделяли их долей отцовского имущества, т.е. приданым.

Некоторые изменения в систему наследования древних славян были внесены “Русской правдой”. Можно судить, что эти изменения являются результатом зарождавшихся в Киевском государстве феодальных отношений. Согласно ст. 81 “Русской правды” наследство смерда (зависимого крестьянина — В.Е.) при отсутствии сыновей переходило к князю. Замужние дочери смерда были лишены права

наследовать, а незамужние получали лишь часть имущества, но далеко не долю наследства. Что касается представителей господствующего класса — детей боярских (вотчинников), то ст. 82 “Русской правды” предусматривала, что при отсутствии сыновей наследство боярина должно перейти к его дочерям. В пользу того, что данный порядок был характерен для средневекового сербского государства, говорит постановление ст. 33 Полицкого статута [2, 225] и постановление ст. 48 бистричского списка “Законника Стефана Душана” [6, 59].

По рассмотренным источникам можно сделать вывод, что в средневековой Сербии правом наследования обладали сыновья и дочери, если последние являлись представителями господствующего класса. Основными источниками права, по которым осуществлялось наследование, в раннефеодальной Сербии были источники римского и византийского права “Закон царя Юстиниана” и “Эклога”, адаптированные сербским законодателем к условиям местной жизни. В XIII–XIV вв. наследственное право Сербского королевства претерпело ряд изменений, связанных с развитием феодальных отношений. В 1219 г. появился “Номоконон Святого Саввы” — отечественный сербский источник права. Дальнейшее развитие институт наследования получил в XIV в. в “Законнике Стефана Душана”. В связи с этим рассмотрим порядок наследования, установленный для представителей господствующего класса (властель) и порядок наследования для зависимых слоев населения (крестьян).

Начнем с прони. Прониар имел право управлять только вверенной ему пронией. Он мог собирать установленные высшей властью налоги и налагать повинности на местное население, за что был обязан во время войны приходить на помощь королю или своему господину с определенным числом воинов. Однако прониар не был собственником земли, данной ему как прония. Ст. 58 призренского списка “Законника Стефана Душана” недвусмысленно предусматривает, что прониарские земли не могли быть ни проданы, ни куплены, ни подарены. Это говорит о том, что такая земля не могла ни завещаться, ни передаваться по наследству. После смерти прониара земля опять возвращалась в королевский земельный фонд.

Иначе решался вопрос с землями (вотчинами), принадлежавшими на правах собственности крупным феодалам, представителям высшего духовенства и монастырям. Даже в тех случаях, когда король сохранял в отношении этих владений право верховной собственности, получая с них централизованную феодальную ренту, властелин мог передать в собственность своим наследникам имение, которым он владел. После смерти властелина-вотчинника его наследники приобретали имение и связанную с собственностью на землю власть над крестьянами, которые обрабатывали эту землю. Ст. 39 “Законника Стефана Душана” ясно указывает, что баштину (наследственное владение — *В.Е.*) властей (вотчинников) могли наследовать их родственники вплоть до троюродных братьев и сестер, а ст. 42 и 44 Законника устанавливает, что и отроки включались в баштину в качестве ее имущества и подлежали наследованию. При этом законодатель определял нормы, гарантирующие право на унаследованную собственность. Так, ст. 41 “Законника Стефана Душана” гласит: “Да не волен господин царь, ни краль (король, титул сына Стефана Душана — *В.Е.*), ни госпожа царица ни у кого взять баштину насильно, ни купить, ни променять, разве кто сам захочет”. Налицо механизм защиты феодальной собственности. При этом ст. 47 “Законника Стефана Душана” свидетельствует в пользу того, что равным образом законодатель защищал интересы наследников-представителей господствующего класса (мужчин и женщин). Ст. 47 Законника гласит: “Когда умрет властель, добрый конь и оружие да будут переданы царю, а великую бисерную одежду и золотой пояс да возьмет его сын и да не отнимет у него царь. Если же он не имеет сына, но имеет дочь, давольна эта дочь (иметь) и продать или отдать свободно”.

Часть крестьянства Сербии, которое сумело сохранить собственность на землю, сохранило за собой и право наследования. Лично свободные крестьяне имели право передавать по наследству землю и наследовать ее. Иным было положение лично зависимых крестьян (отроков). Если отрок не имел детей, то его земля переходила к феодалу на правах “выморочного”. Права феодала на землю зависимого крестьянина были столь велики, что феодал мог исключать из круга наследников даже жену зависимого крестьянина. До XIV в. в Сербии, Византии и Болгарии жена зависимого крестьянина не наследовала его имущество. Лишь с принятием и правоприменением “Синтагма” Матвея Властаря в 1335 г. положение жены умершего крестьянина несколько улучшилось. За ней было признано право на третью часть имущества ее мужа. Остальное имущество шло в пользу феодала и церкви. Таким образом, наследование имущества было существенно ограничено в пользу феодалов.

Вышеназванные источники права свидетельствуют о наличии двух видов наследования в средневековом праве Сербского государства — по закону и по завещанию. Наследование по закону действовало тогда, когда наследодатель не оставлял завещания.

Согласно титулу VII славянской редакции “Эклоги” известны следующие группы последовательно призывавшихся к наследованию имущества законных наследников. К первой относятся нисходящие родственники — сыновья, дочери, а также внуки — дети сыновей и дочерей наследодателя, умерших раньше его.

Ко второй группе наследников относятся родители.

К третьей группе наследников относятся полнокровные братья и сестры, т.е. такие братья и сестры, у которых с наследодателем один и тот же отец и одна и та же мать, а также другие восходящие родственники. Полнокровные братья и сестры исключаются из числа наследников при наличии родителей умершего, но они конкурируют с дедом и бабкой.

К четвертой группе наследников относятся единокровные и единоутробные братья и сестры, т.е. такие братья и сестры, которые имеют общего с наследодателем отца, но разных матерей или общую мать, но разных отцов. Эти братья и сестры наследуют только в том случае, если у наследодателя нет полнокровных братьев и сестер.

К пятой группе относятся остальные родственники по боковой линии. Здесь более близкий родственник по боковой линии исключает более далекого. Дядя исключает из наследования двоюродного брата. Двоюродный брат исключает троюродных братьев и сестер и т.д.

Если у наследодателя не было родственников, тогда наследство делилось между его женой и церковью или бедными. При отсутствии жены у наследодателя его имущество переходило в собственность церкви или королевской казны.

Другой вид наследования — наследование по завещанию. По “Эклогe”, которая в части наследования по завещанию воспроизводит нормы римского права, последнее имеет приоритет перед наследованием по закону. К наследованию по закону обращались только в том случае, если наследодатель не оставлял юридически действительного завещания (славянская редакция “Эклоги”, титул VIII, ст. 1).

Приоритет наследования по завещанию перед наследованием по закону является проявлением неограниченной власти частного собственника. Частная собственность дает возможность собственнику распоряжаться имуществом как ему угодно не только при жизни, но и после смерти. “Эклогa” считается источником права зарождающегося феодализма. Она производит нормы законодательства Юстиниана. По мере утверждения феодальных отношений законодатель сохранил это положение, отражавшее интересы и чаяния господствующего класса, ибо серьезных опасений, что феодал своим завещанием лишит наследства своих законных наследников, не существовало. Кроме того, подобную опасность исключали и нормы обязательного наследования.

Следовательно, не вызывает сомнения тот факт, что завещание как институт права было известно в средневековом сербском государстве. Например, из материалов описания имущества монастыря св. Богородицы в Тетове (1346 г.) видно, что многие крестьяне завещали монастырю свои земельные наделы. В библиотеке Дубровницкой общины сохранилось завещание Медича, сына Николина из Жерновичской группы (Далматия) от 1392 г. Эти данные подтверждают наличие института завещания в средневековой Сербии.

При этом следует отметить, что посредством завещания наследодатель лучше всего выражал свою волю по вопросу о разделе имущества между его законными наследниками; он делал некоторые распоряжения и дарения в пользу других лиц, но не изменял законного наследования. Это является основанием для понимания того, что нормы “Эклоги”, касающиеся наследования среди представителей господствующего класса, были сохранены. Для зависимых крестьян (крепостных) действовал ряд ограничений.

Славянская и византийская редакции “Эклоги” приводят письменное и устное завещания (ст. 2, 3, титул V). Их постановления не требуют, чтобы содержание завещания состояло из торжественных слов, как это предусматривалось древним римским правом. “Эклогa”, однако, настоятельно требовала, чтобы завещание было составлено в присутствии определенного числа свидетелей. Их участие необходимо для подтверждения действительности завещания. Такова форма, предписываемая законодателем. Несоблюдение указанной формы делает завещания недействительными. Согласно постановлению “Эклоги” для действительности завеща-

ния требовалось участие семи свидетелей при его составлении (славянская редакция “Эклоги”, титул V, ст. 4). Если завещание составлялось тяжело раненым во время войны, то для его действительности достаточно было двух свидетелей (“Эклога”, титул V, ст.8; славянская редакция “Эклоги”, титул V, ст. 7).

Для того чтобы завещание было действительным, “Эклога” предъявляет определенные требования к завещателю. Она предусматривает, что составлять завещание не могут: умалишенные, несовершеннолетние (лица мужского пола, не достигшие 15 лет, и лица женского пола, не достигшие 13 лет), находящиеся в плену, подвластные (кроме завещания своих личных вещей) и глухонемые от рождения.

Наследник по закону или по завещанию, принявший наследство, считался продолжателем личности наследодателя. Право наследодателя на собственность и на истребование долгов предоставлялось наследнику. В то же время смерть наследодателя не погашала его долгов. Кредиторы наследодателя были наделены правом на удовлетворение своих требований. Наследники были обязаны погасить долги наследодателя.

При этом следует учитывать важную особенность. Если наследник составил предварительную опись, приобретая право на наследство, то он отвечал только в пределах реально унаследованного имущества и не обязан был оплачивать долги наследодателя за счет своего личного имущества. Однако, если наследник не составил предварительную опись унаследованного имущества, то он обязан был оплатить все долги наследодателя независимо от того, достаточно или недостаточно получено им наследства для покрытия долгов наследодателя. Данное положение трактуется в “Эклоге” следующим образом: “Если же... окажется, что часть некоторых долгов он уплатил, то он должен уплатить и другие, так как не определил принятое имущество надлежащей описью” (“Эклога”, титул VI, ст. 9; славянская редакция “Эклоги”, титул VII, ст. 3).

Говоря об обязанностях наследника, необходимо подчеркнуть, что он должен был точно выполнить все распоряжения, сделанные наследодателем, т.е. те распоряжения завещания, посредством которых наследодатель предоставлял определенным лицам те или иные имущественные блага. Наряду с наследниками сербское средневековое право знало и институт частичных правопреемников. Частичный правопреемник в отличие от универсального правопреемника (наследника) не приобретал всего наследства или его определенной части, охватывающей имущественные права и обязательства. Он приобретал только конкретно определенное имущество.

Развитие феодальных отношений в Сербском государстве стимулировало дальнейшее развитие и совершенствование институтов брачного и наследственного права. Однако в XV в. данный процесс был прерван вследствие утверждения господства Османской империи над территорией Сербского государства.

Литература

1. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб, 1909.
2. *Греков Б.Д.* Полица: опыт изучения общественных отношений в Полице XV–XVII вв. М., 1951.
3. Полицкий статут / Под ред. Б.Д. Грекова. М., 1951.
4. Закон Судный Людям краткой редакции / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961.
5. *Juperek K.* Историја Срба. I свеска. Београд, 1922.
6. Душанов законик: бистрички препис / Превео Д. Богданови . Београд, 1994.
7. *Петрови М.* Крмчија светога Саве о заштити обесправљених и социјално угрожених. Београд, 1990.
8. *Пери Д.* Црквено право. Београд, 1999.

Издательский центр БГЭУ

Новые издания

Заяц Н.Е. Теория налогов: Учеб. Мн.: БГЭУ, 2002. 219 с.

Рассматриваются теоретические основы организации и управления налоговыми отношениями: генезис науки о налогах, их сущность и функции, налоговая политика и налоговая система, налоговый механизм и управление налогообложением, а также теоретические основы построения налоговых систем в странах с переходной экономикой.

Для студентов экономических специальностей высших учебных заведений, специалистов финансово-кредитной и налоговой систем, научных сотрудников.

По вопросам приобретения обращаться в отдел маркетинга по адресу:

220070, г. Минск, пр-т Партизанский, 24, корп. 6, комн. 20. Тел./факс: 249-21-32

Зам. директора Издательского центра тел. 214-95-60

(Работа склада: понедельник – четверг с 9⁰⁰ – 16³⁰, обед 13⁰⁰ – 14⁰⁰)